

25 декабря свой 50-летний юбилей отмечает Даниил ДУХОВСКОЙ (он же Данила Дуб-шин), литератор, спортсмен, режиссёр-документалист. И большой друг газеты "Завтра", один из наших авторов. Андрей СМИРНОВ на правах давнего товарища накануне дня рождения задал несколько вопросов Даниилу.

"ЗАВТРА". Ты журналист, литератор, режиссёр; был литсекретарём и другом Лимонова, работал редактором журнала по культуризму — у тебя множество масок, определений. Кем ты себя считаешь? Почему не пошёл по какой-то одной дорожке, не остался в журналистике? Как культуризм сочетается с литературой и кино?

Даниил ДУХОВСКОЙ. Думаю, что всё это, конечно же, не маски, а грани интереса к миру, грани моего соприкосновения с ним. Прежде всего ощущаю себя литератором и поэтом, остальное — ремёсла, которыми владею. Журналистику в качестве рода деятельности я избрал в конце 1980-х, тогда это была самая "конквистодорская" творческая профессия. Помню, первые мои фотоснимки были напечатаны в 1990 году в никому ныне не известной газетке "Левая альтернатива"; сколько же их тогда было, таких газеток и журналичков! Молодым человеком я был скромным, мне не хватало наглости, поэтому, делая своё дело хорошо и даже лучше многих, я не строил карьеру, имя, а долго воспринимал свою деятельность как ученичество. Но, странное дело, прошли десятилетия, и мои фотокарточки тех лет (архив, к счастью, сохранился) словно набрали в значимости, вызывают большой зрительский интерес, проходят их выставки, появляются большие публикации, думаю, и альбом выйдет.

Насовсем из журналистики я не уходил. Сейчас не служу штатно ни в каком издании, но допускаю, что это может измениться, — есть-то надо, а киногонорары пока слишком нерегулярны. Кроме того, есть такая замечательная газета "Завтра", где я по-прежнему при малейшей возможности с радостью публикуюсь и считаю это за честь.

оборот, наметить планы? Какие твои главные творческие удачи? Может, и был какой-то самый большой "облом". Какие есть идеи (о которых можно говорить, чтобы не "спугнуть")?

Даниил ДУХОВСКОЙ. Итоги — рановато. Надеюсь. Вообще, считаю себя везучим, всё,

чего по-настоящему хотел, мне удавалось. Вот смотри, в детстве я обожал фильмы Игоря Масленикова о Шерлоке Холмсе с Ливановым и Соломиным. А в тридцать два года подружился с Ливановым, исполнил детскую мечту, поставил как режиссёр четыре диска-спектакля о Холмсе с ним в главной роли. Виталия Соломина, увы, уже не было на свете, и Ватсоном у меня стал другой народный артист, Евгений Юрьевич Стеблов. Это вообще был мой режиссёрский дебют, я как раз отучился тогда на Высших курсах сценаристов и кинорежиссёров в мастерской Петра Тодоровского и Натальи Рязанцевой.

Одно цеплял другое, и следом Ливанов попросил меня быть редактором его собрания сочинений, которое выходило в год его семидесятилетия. И эту работу я сделал — она заняла полгода еженедельных встреч и многочасовых разговоров с неповторимым Василием Борисовичем. Кстати, одна из первых прославивших его ролей была в фильме "Слепой музыкант" по повести Королёнок. А образ слепого музыканта Петра Погольского Королёнок списал с моего прапрадеда, незрячего нижегородца Ивана Духовского, о котором я недавно

"ЗАВТРА". Ты принимал участие в издании "Лимонки". В чём её феномен? Особо — с учётом того, что газета делалась во многом не по канонам.

Даниил ДУХОВСКОЙ. Это было так давно. Тридцать лет назад... "Лимонка" — дитя своего времени, тогда, в середине 1990-х она была нужна и актуальна. Сейчас — невозможна, да и бессмысленна. Сейчас другие формы требуются для формирования вкусов и мировоззрений.

Что касается той, старой, "Лимонки", я активно работал в ней с первого номера и последующие три-четыре года. Это был в чём-то просветительский проект: мы писали про события, явления и людей, про которых тогда не писал никто другой. Например, помню, какой резонанс был у моего здоровенного очерка о японском писателе Мисиме. До сих пор горжусь заголовком: "Юкио Мисима. Жизнь за царя" — как опера Глинки.

Это был и агитационный листок, ибо ныне запрещённую партию сформировала именно газета "Лимонка", заиндевелыми поездами до-бравшаяся в самые дальние закутки нашей

опубликовал большой очерк. Вот так причудливо иногда судьба закольцовывается.

Дальше. Как мы уже упомянули, я занимался атлетизмом, и в двадцать два года стал главным редактором журнала по силовым видам спорта, он назывался несколько vulgarно: "Качай мускулы", но был лучшим изданием на эту тему в 1990-е. В спорте моим кумиром был наш олимпийский чемпион Юрий Власов. С Юрием Петровичем я тоже познакомился и работал вместе, писал о нём, бывал у него дома.

Лет десять назад, с подачи нашего с Лимоновым общего друга, французского писателя и переводчика Тьерри Мариньяка, я увлёкся фигурой и стихами маргинального гения, поэта Сергея Чудакова, мне удалось расследовать его трагическую судьбу, найти неизвестные стихотворения, я делал выставку, посвящённую Чудакову, выпустил две брошюры с уникальными материалами. Занимаясь этими разысканиями, я познакомился с чудаковским другом, тоже маргинальным гением (правда, непонятно в какой именно области), сценаристом и музыкальным педагогом Олегом Осетинским и очень тесно общался с ним на протяжении четырёх лет. Снял десятки часов киноматериала с этим чудовищным и оригинальным человеком. И это тоже будет фильм.

С Эдуардом Лимоновым, который меня поразил в юном возрасте как писатель, наши судьбы вообще переплелись теснейше.

Все мои мальчишеские мечты в ходе жизни и (что принципиально) работы — исполнились. Учителей я себе выбирал сам, замечательных. Это счастье.

А "обломов" я не припомню. Или не воспринимаю таковыми, когда что-то не удаётся. Отхожу на шаг назад и снова штурмую, иду вперёд. Медленно, но верно. Всё посылно.

В оставшиеся годы здоровья рассчитываю реализоваться, как смогу полно, в области литературы и кино. Надо сделать несколько вполне определённых книжек и снять несколько вполне определённых фильмов. В этом году я снял документалку про историю журнала "Юность", где попытаться разобраться со своим отношением к "шестидесятиникам" — Аксёнову, Евтушенко, Стасису Красаускису... Фильм, что нечасто бывает с документальным кино, шёл в прокате в кинотеатрах, и даже находились люди, которые покупали билеты на сеансы!

Вообще, про планы говорить не люблю, не желаю выглядеть болтуном. Скажу лишь, что в кинодокументалистике намерен сделать filmy про Юрия Петровича Власова, с которым был хорошо знаком, и про Василия Витальевича Шульгина, политика и литератора начала XX века, депутата царской Думы, позднее — деятеля Белого движения, про которого писал ещё Ленин. Он принимал отречение Государя, скитался, воевал, отсидел огромный срок в нашей тюрьме, прожил смелую и полную приключений жизнь, много и очень талантливо писал, а главное — до сих пор живы люди, знавшие его в старости. Шульгин занимает меня уже несколько десятилетий, я собрал огромную библиотеку литературы о нём и его трудов. Сниму обязательно.

Родины и на развисящая мощными образами и весёлой энергетикой сердца читателей, многие из которых становились партийцами. Впрочем, от меня парторгство было подальше, так как я не сильно "партийный" человек, я скорее кустарь-одиночка.

Это была и абсолютно свободная площадка, где каждый из нас, моих тогдашних друзей, мог высказаться о том, что его волнует и занимает. Я печатал интервью и исторические статьи, репортажи с забастовок, эссе о великих. Алексей Цветков нёс марксизм и вообще левую идею в массы. "Юкио Абрамов с "Песнями партияца" был, скорее, про "правый поворот". Мой товарищ Михаил Материй, авиадиспетчер по профессии, публиковал замечательные короткие рассказы из своей жизни. Другой мой друг, Дмитрий Невелёв (он мой учитель в журналистике, а я привёл его в "Лимонку", где он занял пост "безответственного секретаря редакции") тоже публиковал рассказы, но совсем иные, макабрические и обыденно-страшные. Публиковал стихи поэт Максим Шмырёв, чуть позже появился в нашем кругу поэт и музыкант Алексей Кольчугин, тоже мой близкий товарищ. А Лимонов взирал на нас всех, поправлял очки и посмеивался — видимо, с удовольствием.

"ЗАВТРА". Ты всегда демонстрировал широту взглядов, интересов, вкусов вне партийной логики (и идейной, и эстетической). По какому принципу ты выбираешь своих героев? Какие культурные эпохи, жанры, направления наиболее близки и почему?

Даниил ДУХОВСКОЙ. Повторюсь, я по типу своему не партийный человек, слишком индивидуалистичен. В феврале девяносто пятого Лимонов выдал мне партбилет за № 45, и я злился на Эдуарда, что номер не первого десятка, что соответствовало бы фактическому положению, но мэтр отмазался: "Я зарезервировал часть номеров для будущих VIP-партийцев". Так вот, даже лимоновская партия, когда стала массовой, перестала меня интересовать. Меня интересовал Эдуард, которого я воспринимал, упаси Бог, не как "вождя", а прежде всего как индивидуальность, как пример удивительно эффективной самореализации.

Про героев попробую сформулировать. Как говорил Высоцкий: сильные люди в необычных обстоятельствах. Мне близок английский неоромантизм XIX века, великая советская культура... культура советского андеграунда. Но эти перечисления довольно топорно звучат. Я из очень многого состою, и получается, что довольно много всего знаю, а школа Лимонова привила склонность к парадоксальности, к сочетаниям самого разного уровня, что не надо путать с всеядностью.

"ЗАВТРА". Как ты воспринимаешь культурную ситуацию? Есть полнос: "ничего не происходит", "всё плохо" или ответный — идёт насыщенная культурная жизнь, много всего важного и интересного выходит, начинается, надо просто не лениться узнавать? Какой взгляд тебе ближе и почему?

Даниил ДУХОВСКОЙ. Думаю, что не вправе судить обобщённо, у меня нет оптики, чтобы видеть сверху "ситуацию в культуре". Везде жизнь. Кино снимают, книги пишут, поэтов больше, чем курьеров. Вот два с половиной года я работал в Доме Ростовых, в АСПИР, успешно вёл и организовывал литературные вечера, это был мой какой-никакой хлеб. Ушёл оттуда, когда стало невозможно из-за возросшего количества безумной отчётной писанины, у меня просто уже нет жизненного времени на такую. Но там я взглянул изнутри на "литературный процесс", на часть его. Старшее поколение — великолепно. Рад, что подружился со многими. Молодые — более блёклые. Культурная жизнь бьёт ключом, а вот с "важным и интересным" сложнее. Но опять же, это вопрос вкусов.

"ЗАВТРА". Ты во многом человек XX века: собрать библиотеку, сделать документальный фильм (а не ролик в тик-токе), как ты воспринимаешь новый мир — это ресурс или катастрофа?

Даниил ДУХОВСКОЙ. Тик-ток тоже уже анахронизм, Андрей!

Хорошая библиотека переживёт любой тик-ток. Новый мир воспринимаю спокойно, как фон. Не особо он и новый, человек глобально не меняется столетиями, меняются технические средства выражения и — на поверхностном уровне — массовое восприятие. Пока мы биологически неизменны, "всё будет как при бабушке". Политически и культурно мир "форматировался" множество раз, и это не повод нервничать. Вот изменения человека на уровне генетики и биологических модификаций могут привести к чему-то неожиданному. Но это ещё не сегодняшний день. Надо просто заниматься тем, в чём разбираешься, что хорошо умеешь. И всё будет как надо. Руки-ноги на месте, женщины любят, что ещё нужно?

"ЗАВТРА". Есть ли у тебя некое представление о правильной культурной политике? Идеи, от элементарных до самых утопических — допустим, в средней школе надо ввести уроки кино?..

Даниил ДУХОВСКОЙ. Мой старший товарищ Василий Ливанов сказал так: "Все говорят: "Вот если бы я был президентом (министром, директором завода), вот я бы..." И никто не скажет: "Что вы, ну какой из меня министр или президент?" Впрочем, если Родина потребует, придётся подумать...

Даниил ДУХОВСКОЙ
БАЛЛАДА О МОЁМ РОЖДЕСТВЕ

"25 декабря 1974 г. в результате циклона практически полностью разрушен австралийский город Дарвин".

Из газет

Я вышел из рабочей среды — тогда правда была среда, вокруг были крутые животы, и мать моя там была.

Это странно, но мир к тому времени жил уже несколько тысяч лет. Пять миллиардов человеческих рыл на счастлившей из планет.

В оренбургских степях, где Хлопуша-волк воем реёт человеческий покой, заступал на дежурство отборный полк с баллистическим "Сатаной".

В Сибири наблюдался католический бум: В Рождество все в дулу пылны. В пыльном Афганистане Абдул Дустум покурил сладчайшей травы.

В Самаре открывали завод "Фотон" самарорайонные власти. "Фотон" ЭсЭсЭру давал бетон и железобетонные части.

А в уже разродившейся мною Москве на окраине блочной и зяблой, коротая вечер, чужой жене пел Володя про райские яблоки.

Где-то там за окном шла метель, и в кисель выпавший снег раскисал, мою многоступенчатую колыбель Кто-то седой колебал.

ПРАГМАТИЧНАЯ цифровая реальность всё же не отучила от книги. По-прежнему вызывает интерес публикации и высказывания общественно активных писателей по актуальным проблемам, хотя первенство в информационном пространстве, увы, за всевозможными экспертами и политологами. Если и существуют писательские посиделки на "Первом", на той же "Культуре", создаётся впечатление, что приглашённый в эфир литератор — производное от им самим созданной искусственной реальности. Ни шагу за флажки! Чем объяснить подобный выбор? Узостью кругозора? Вкусовщиной ведущих или редакторов? Заказом на такие фигуры? Ведь, к примеру, "реальность" какой-нибудь рекламируемой, титулованной Васянкиной с её инфантильными потугами на размышления "о сложном" — токсична.

С нашими писателями за последние годы произошла требующая отдельных размышлений история. В 90-е многие из них стойко сопротивлялись поощряемому на уровне власти переделу в культуре, жёсткому диктату либеральных витий, отвергающих не только всё советское, но и классическое наследие русской словесности, когда огромной проблемой было опубликовать написанное да и просто выжить в той атмосфере нетерпимости к инакомыслию. Однако люди не сгибались, отстаивали свои взгляды и позиции в редких свободных от либерального засилья изданиях, в "Нашем современнике", "День"/"Завтра", "Москве", "Литературной России", "Лимонке". Им лепили ярлык "красно-коричневый", обвинения в "русском фашизме" (на "Культуре" по-прежнему пребывающий в фаворе М. Швыдкой специальную передачу провёл "Русский фашизм страшнее немецкого"). Они подвергались арестам и даже попадали в тюрьму.

С середины нулевых, когда угроза неонацизма и поглощения надвинулась на Россию в лице всего "цивилизованного мира", многое изменилось в стране. Патриотизм перестал быть жупелом, вспомнили и заговорили о традициях, об исторической преемственности. При этом развивались и крепили частно-собственнические, капиталистические отношения в обществе. К сожалению, не нашлось во власти среди отвечающих за культуру людей, которые прислушались бы к предостережениям великих умов прошлого о том, что капитал не должен вторгаться в сферу духовной жизни и культуры, привнося туда чуждые им механизмы рынка, конкуренции, прибыли... Появилось понятие "индустрия культуры", где почти не остаётся места "творцам-единичникам", либо им приходится жертвовать в угоду бизнесу своими идеями и целями при создании произведений.

Как одно из следствий — интересы коммерческого книгоиздания значительно потеснили серьёзное слово. В приоритете оказалось массовое, развлекательное чтиво. Началась погоня за спонсорами, покровителями в различных инстанциях, в том числе во власти. И писатели дружноли... Горько и смешно было читать некоторые репортажи в сети о вручении Национальной литературной премии "Слово" — самой крупной из всех ныне существующих литературных. Её призовой фонд — 16 миллионов рублей.

В оргкомитет поступило более трёх тысяч заявок от соискателей из 87 регионов России и 13-ти стран. Её учредители — Российский книжный союз и Союз писателей России — ещё на старте заявляли, что новая премия должна найти не просто новые имена в литературе, но и те произведения, которые скажут "честное, принципиальное слово о том, что происходит в нашей стране и около неё".

То есть, государство, наконец, обратило внимание на литераторов. Настораживало лишь казённое определение критерия оценки новых имён и произведений, которые

"должна" найти премия. По итогам новых имён и произведений среди награждённых оказалось совсем мало.

В начале церемонии по праву удостоили Гран-при поэт Юнна Мориц, чей не увядающий с годами творческий и гражданский темперамент, яркость и глубина поэтического слова не оставляют равнодушным читателя. Но не стоило бы пишиущим об этом особо выделять обстоятельство, что поэт "никуда не уехала" в годы косые", а "остаётся в России"... Есть в этой фразе нечто серьёзное, заискивающее, будто теперь награды надо выдавать за одно то, что писатель "никуда не удрал"...

А Юнна Петровна, несмотря на возраст, была на высоте: прочла свои стихи, и, поблагодарив за признание, пообещала, что часть своей премии переведёт на фронт. "Мы победим! Мы обязательно победим!" — сказала Мориц на прощание залу, встретившему её слова овациями.

Среди лауреатов лучшим прозаиком признан писатель и сапёр на СВО Дмитрий Филиппов с книгой "Собиратели тишины", которая пока не вышла в свет. У "Меченосца" Александра Проханова — вторая награда и один миллион

там, а буквально у порога — жестокая война. Уместны ли внутренние распри?

Если же не в истерике, а по большому счёту оценивать ситуацию в нашей современной литературе, стоит обозначить некоторые её болевые точки, о которых говорят в писательском сообществе: литература продолжает оставаться в ведении Минцифры. Объяснить это "цифровое" положение на рациональном, не конъюнктурном, уровне, невозможно. Почему, с какими целями, преследуя чьи интересы отделило чиновничество литературное творчество от сферы культуры и продолжает стоять на своём, несмотря на обращения писателей в высокие инстанции? Внятного ответа нет. Обращались писатели в правительственные структуры и по поводу того, что нельзя выстраивать культурную политику, воспитать молодых в духе патриотизма и отечественных культурных традиций, опираясь на частные издательства, для которых главное — прибыль. На поток поставлены бесконечные "оттенки серого", психологические тренинги, вампиров и прочие "ужасы". А как иначе? Тон задают менеджеры, которые ориентируются на потребности рынка, на массового потребителя, чьи интересы сами

ПРАВСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ РУССКИХ

О литературе и не только

рублей, деньги писатель передаёт "Ночным волкам", которые сражаются в составе добровольческой бригады "Пятнашка". "На квадроцикл", — сказал писатель. На третьей строчке — "Совдетство. Книга о светлом прошлом" Юрия Полякова. Размер "Бронзовой" премии — пятьсот тысяч рублей. Спецприз получил Захар Прилепин за книгу для семейного чтения "Собаки и другие люди". Как видим, кроме Д. Филиппова, чья книга ещё не опубликована, остальные — давно известные и признанные мастера.

Имена награждённых в номинации "Поэзия" каждый сам может найти в Интернете и оценить соответственно своей любви к поэзии и знанию творчества лауреатов. На собственных впечатлениях здесь полагаться не могу. Мало что "зацепило" в последние годы в этом жанре; пожалуй, "Сны Павла" Максима Шмырёва, "Война" Алексея Шорохова, некоторые произведения Ольги Старушко и Игоря Караулова. Прекрасные традиции русской и советской лирики продолжил в своём новом сборнике дальневосточный поэт Владимир Тыцких, недавно ушедший от нас.

ТАК ПОЧЕМУ всё же горько и смешно было читать в сети заметки о состоявшемся торжественном награждении? Мнение их авторов, критиков и писателей об этом событии продемонстрировало удручающее разделение в так называемой патриотической среде. И это главное. Остальное в откликах на выбор жюри: скандальные оценки и намёки, нескрываемая личная неприязнь, соперничество, слухи по поводу того, что является особой, "приближённой к государю императору" (читай, к разного рода "источникам" финансирования) — фельетонная публицистика, чего с избытком хватало в творческой среде в разные времена. Нынешнее — не исключение, хотя не где-то

же и сформировали. Насущно необходимы государственные издательства, специализирующиеся на книгах для детей и юношества.

К месту будет здесь отнестись пронзительно-трагичную характеристику философа Н. Мелентьевой из её выдающейся статьи о фильме "Убийца" Дэвида Финчера (Интеллектуальный манифест режиссёра против современного мира) к переживаемому нами времени: "... где выгодой и расчётом измеряются любые мечты и поступки. Где в этом мире место культуре, истории, смыслам, чувствам, понятиям, философии, искусству. Душе человека? Выжженная пустыня с остатками сухой травы, в которой "нет воды, что-бы пить"...

Многие сегодня испытывают подобные чувства. Мы пребиваем, как уже доводилось писать, в параллельных мирах. С одной стороны, все "крупные каналы, стримы по СВО, ряд частных СМИ, центры волонтерской деятельности, даже промышленные центры и ряд технопарков, которые сейчас в некоторой степени управляют общественным мнением и влияют на государственную политику, были созданы волей и силой, милосердием и самоотверженностью отдельных людей, без какой-либо поддержки и даже в чём-то вопреки государству".

А с другой — автор одного из телеграм-каналов пишет: "Я вижу мужчин и женщин, которые нескончаемым потоком переходят из одного ресторана в другой ресторан, с одного корпоратива на другой корпоратив, а оттуда на афтерпати, и все такие весёлые-весёлые, постоянно летают по всему миру, и девушки вытягивают длинные ноги на яхтах и пляжах, а мужчины то ездят на мотоциклах, то демонстрируют своё героическое телосложение, полученное в боях с фитнес-клубом. А потом они возвращаются и, прежде чем выложить в "Инстаграм" маникюр и тарелки, снова фото-

графируются все вместе возле специальной стены, на которой написаны названия брендов, все эти гуччи-шмуччи... И они улыбаются, и всё у них хорошо".

Показателен для нашей темы недавний рейтинг книжных продаж по Москве. Оставая в стороне качество книг, подчеркнём: в рейтинг вошло всего 6 авторов русской прозы (В. Пелевин, С. Лукьяненко, А. Лавринович, З. Прилепин, Е. Михалкова, Н. Абгарян). Свыше половины рейтинга — иностранная литература. Рейтинг возглавлял новый роман Виктора Пелевина — мастерски "приготовленная сборная солянка" из сюжетов и мемов из интернета. А также целый ряд книг авторства новомодных доморощенных психологов про то, как "научиться любить и жалеть себя и стремиться к успеху".

"Самый очевидный вывод, — заключает автор этой публикации ("Наши новости"), — страна продолжает пребывать в состоянии мягкой культурной интервенции. Практически полное всевластие зарубежной переводной литературы на рынке... Это делают конкретные люди с конкретными целями".

Не стоит удивляться затиханию на "фронте" современной российской литературы. Причина в том, считает публицист А. Рудавёв, что отечественная литература "продолжает бегать от реальности. Практически не звучит голос литераторов. Они перестают быть авторитетными для общества. Казалось, что преимущественная немота в девяностые была хоть в какой-то мере оправдываема, а дальше что-то изменилось. Но они продолжают кататься на своей легковесной бричке и скупать мёртвые души, растрачивая пустые слова. И это не только тема СВО как переводной, но и реакция на развернувшиеся эпические события большой страны и маленького человека в самых отдалённых уголках её".

Неужели огонь и воду прошли, а испытания "медными трубами" писатели не выдержали? Не обошано, конечно... И предлагаю, прежде чем к месту и не к месту твердить о русском патриотизме, задуматься над посланием нам, сегодняшним, Ивана Аксакова: "... мало быть вообще "Русским патриотом", надо быть ещё Русским человеком, мало любить одну Русскую государственность, её величие и могущество, надо любить, знать, понимать, ценить Русскую землю, Русскую народность, наконец, мало быть Русским только при больших исторических okazиях, но надо им быть и в будничное время истории, в ежедневной действительности. Время и обстоятельства требуют от нас патриотизма иного качества, нежелы в прежние годы народных бедствий; что одного внешнего, так сказать, патриотизма, возбуждённого видом внешней, грубой опасности, ещё недостаточно; что есть опасность иного рода, несравненно опаснейшая; что надо уметь стоять за Россию не только глазами, но и головою, т. е. не одним напором и отпором грозной силы материальной, но силой нравственной; не одной силой государственной, но и силой общественной, не одним оружием вещественным, но и оружием духовным; не против одних видимых врагов в образе солдат неприятельской армии, но и против невидимых и неосознаемых недругов; не во время войны только, но и во время мира" (статья "В чём недостаточность русского патриотизма", 1864, "День").

Людмила ЛАВРОВА

* Соцсеть запрещённой в РФ экстремистской организации "Мета"